

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВА

Амбивалентность

СТИХИ, РОМАНСЫ, ПАРОДИИ

Наталья Тимофеева

Амбивалентность

«Издательские решения»

Тимофеева Н. В.

Амбивалентность / Н. В. Тимофеева — «Издательские решения»,

Книга «Амбивалентность» — последняя изданная в России. Сложная ситуация заставила автора покинуть страну. Угроза жизни, ежедневная опасность, оружие в сумочке — это не для поэта, от этого можно сойти с ума. Пограничное состояние между жизнью и смертью диктовало Наталье Тимофеевой строки стихов, предательство близких заставляло её писать горькие истины. Эту книгу можно было бы назвать криком боли, если бы не чувство юмора, которое держало автора на плаву, так что название книги неслучайно.

Содержание

Волны времени	9
«...И не с кем словом перемолвиться...»	9
«На окнах искры драгоценные...»	10
«Звёздный смех рассыпан по поляне...»	11
«Театр теней, – движение и звук...»	12
«По ледяной беспмятной равнине...»	13
«Как чёрный лёд, мерцает ночь...»	14
«Король касаний, ветер долгоногий...»	15
«Мой зимний сон записан на снегу...»	16
Романс с тишиной	18
Возвращение в деревню	19
«Мороз горстями сыплет бриллианты, —...»	20
Добровольная ссылка	21
«Взыграл буран под ветренное соло...»	22
«Мой остров – лишь точка на теле Земли...»	23
Полночная звезда	24
«Морозный вечер. Звёзды, словно иней...»	25
«Простое имя – Ветер. Но не прост...»	26
«Немного солнца плещется рыбёшкой...»	27
Скерцо	28
Зимний складень	29
«Наст выпластал глазурью обливной...»	30
«Неведомым законам мироздания...»	31
«Ходит ветер по крыше...»	32
«Учусь у снега быть сильней тепла, —...»	33
Метаморфозы	34
«Серебряные сны, прелестные мечты, —...»	34
«Когда сойдутся числа и знаменья...»	35
Медвежий угол	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Амбивалентность

стихи, романсы, пародии

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родиться меня угораздило в год смерти Сталина.

Ребёнком я была хилым, – однажды, когда мне было три месяца отроду, папенька положил меня в плетёную корзину, повесил её на руль велосипеда и повёз показывать своим друзьям. Холодная погода пятьдесят третьего года и ноябрь месяц сделали своё дело: крупозное двустороннее воспаление лёгких стало результатом этой прогулки, за что бабушка всю оставшуюся жизнь называла моего отца «Тимоха-дурачок». Синюю и задыхающуюся забрала она меня через окно дмитровской горбольницы, так как врачи от меня отказались, но и отдать не соглашались, и выходила в дубовой бочке, набитой смородиновым листом и другими слабодобьями. С тех самых пор в меня вошло понимание, почему Диогену так нравились бочки. Бочка – это не только образ полого мира, это дубовая метафора защищённости от него. Тогда же бабушка начала подпаивать меня пивом «для сна и аппетита», но склонности к алкоголизму я у себя не наблюдаю по сию пору, хотя выпить хорошего вина очень люблю, особенно, в приятной компании.

Вечерами мама садилась в тазик с горячей водой и читала мне «АПЧехова», хотя в то время я мало что понимала в его коротких рассказах, зато стала очень хорошо запоминать на слух. Антон Павлович в дальнейшем оказался одним из наиболее любимых мною писателей, – это он научил меня чувству юмора и житейской мудрости, а также, поселил в душе непреодолимую страсть к чтению.

В четыре года я записалась в детскую библиотеку, в пять – начала играть на скрипке, в шесть – солировала на сцене Колонного зала Дома Союзов, так что, пусть никто не говорит про новоявленных «детей индиго», талантливые дети были всегда и всегда будут, скорее, останется загадкой, откуда берутся дебилы взрослые и депутаты Государственной Думы. Правда, струны из зависти мне подпиливали уже тогда, – я была самая маленькая и самая способная ученица музыкальной школы. Людмила Яковлевна Жибицкая была чрезвычайно строга, но я её не боялась, хотя и плакала иногда из-за её крика. Бабушка как-то ходила выговаривать ей за грубое обращение с учениками.

Айзека Азимова я полюбила в шесть лет, а в первого мальчика влюбилась тогда же, когда записалась в библиотеку. Помню, как я пришла к объекту своих воздыханий, и мы с ним ловили картонных рыбок удочкой с магнитиком, налаживая семейную жизнь... Мой дед, Кузьма Егорович, одетый в солдатскую шинель, возник на пороге совершенно неожиданно и, больно взяв меня за ухо и протащив ревущую через весь город, вернул домой...

Годом позже я проявила способности к предпринимательству. Сильна была моя любовь к карамельным подушечкам, которые дед наотрез отказывался покупать, идя в город и имея одну и ту же отговорку по возвращении: «Конфетошник околел!» Я надёргала в огороде моркови, в надежде на вырученные деньги купить себе конфет, и села с нею возле магазина на деревянный ящик. Опыт оказался неудачным. Денег на конфеты я не выручила, так как корнеплоды мои почему-то не имели спроса, хотя были на пять копеек дешевле, чем у тёток, стоящих в одном ряду со мной, а вот ухо в очередной раз пострадало. Морковный бизнес загубила соседка, нажаловавшаяся бабушке: «А ваша Наташа морковкой у магазина торгует!» Она

пошла за хлебом и наткнулась на меня, Кузьма Егорович среагировал мгновенно, как при арт-обстреле...

Помню, как дед зимой возил меня в музыкальную школу, обвязав вместе со скрипкой пуховым платком и приторочив к санкам... Сугробы в Дмитрове наметало такие, что не было видно, кто идёт по дороге. Я обнимала скрипичный футляр и дышала сквозь пуховый бабушкин платок, надыхивая иней на ресницах, а дед тащил сани за верёвку и воспитывал меня по дороге, смеясь и подтрунивая. Вообще мне по жизни везло. Музыкальная школа находилась в помещицкой усадьбе, а школа общеобразовательная стояла напротив собора в валу. Старина окружала меня повсюду, питала своей живительной силой и направляла в нужное русло. Мой дом был ровесником века, а во дворе его лежал огромный красный гранит, по-видимому, жертвенный камень, Бог ведь как попавший туда. Посреди его была как будто выдолбленная долгим падением воды лунка, я устраивала в ней «секреты», а бабушка гоняла меня от этого валуна, беспокоясь, что я свалюсь в колодец, куда дедушка напустил зеркальных карпов. Он замерял камень каждую весну и говорил, что он растёт... Даже камни растут в этом мире.

Мне нравится погружаться в свои воспоминания о детстве, так как негативные события со временем подёрнулись флёром умиления, но! Именно негативные моменты жизни, боль, перенесённая и не сломившая, любовь и ненависть делают человека способным воспринимать малейшие оттенки действительности и сострадать не только близким, но всему миру. А ещё стыдиться за этот мир, будучи уверенным в ответственности не только за себя самого, но за него тоже, за всё, содеянное другими людьми. А может быть, меня просто неправильно воспитали.

Когда мама ушла от отца, она сильно побила меня, сдвинув позвоночные диски. С тех самых пор, то есть, начиная с четырёхлетнего возраста, я испытывала физическую боль каждый день. Она стала моим спутником и воспитателем навсегда, но не озлобила, а наоборот, сделала более восприимчивой к боли других...

После были годы учёбы, спорта, работы, всевозможных курсов и усовершенствований серого вещества, о чём я непременно напишу когда-нибудь, если почувствую, что уже не могу держать этого в себе.

Итак, девочка со скрипкой повзрослела, сама стала матерью, вырастила двух дочерей, одна из которых стала её злейшим врагом.

В перестроечные годы, когда я была готова, если понадобится, ради своих детей выпустить из себя всю свою кровь до капли, когда я бежала, как зашоренная лошадь на скачках, таща за собой к светлому будущему двух упирающихся девчонок, я даже представить себе не могла, чем всё это закончится. Моя старшая дочь, красавица Екатерина, помирившись с отцом, которого не видела и не слышала более 15 лет, вместе с ним заказала меня бандитам из-за нашей трёхкомнатной квартиры в центре Москвы. Бог ей судья. Это как раз та причина, по которой я очутилась в чужой стране, о чём ещё ни разу не пожалела. Стихотворение «Белокожая девочка» посвящено моей старшей дочери, которую я, скорее всего, больше никогда не увижу.

Собственно, мои стихи, полившие водопадом после многолетнего перерыва, когда я учила, кормила, лечила и так далее по списку, отражают подлинную действительность того, что я испытываю к окружающим меня людям и всему, что было создано Творцом. Вот, когда я вспомнила слова Ахматовой (в то время я не читала стихов, исключительно фантастику и технические журналы, так что, имя Анны Андреевны мне мало о чём говорило) прочитавшей мои первые детские и юношеские стишки из рук знакомого моей матери... Пророчество её исполнилось наполовину, – меня узнали и услышали. «Большое будущее» меня мало интересовало и теперь уже не интересуется, хотя приятно греют душу озвученные композиторами песни, которые поют лауреаты всевозможных конкурсов и заслуженные артисты.

Интернет вошёл в мою жизнь вместе с работой в Московской Патриархии, как это ни странно звучит после авиационного ОКБ. Дед мой по отцовской линии был православным

священником дворянского рода, имел митрополию, а прабабушка по материнской – еврейской-полукровкой. Мой папенька благородных кровей женился, по мнению своей матушки, весьма неудачно, а моя маменька вышла замуж наоборот очень перспективно, но ушла от отца она как раз по собственному желанию из-за своей непомерной ревности. Папа догонять её не стал.

Их расставание было самой большой болью для моего маленького сердца, я могла часами сидеть перед домом на лавочке и ждать, когда появится отец. Бабушка звала меня обедать, но я отвечала, что папа обещал прийти и, если он не увидит меня здесь, то может пройти мимо...

Диплом, который я защитила после того, как прочла все три городские библиотеки, окончила школу и техническое заведение, имел сложный заголовок: «Шарнирная балка крыла изменяемой геометрии». Нельзя сказать, что я ничего не соображала в этой области, но меня как-то не очень грела моя профессия. Работа в ОКБ – это отдельная история. Там был целый мир с его секретами – настоящими и мнимыми.

Я училась на всевозможных курсах, стала неплохим фотографом, начав снимать с 8 лет, писала и редактировала, торговала и вязала, готовила на заказ, разводила породистых кошек, работала в котельной, во вневедомственной охране, в церковной привокзальной часовне, в отделе Образования и Катехизации при Московской Патриархии, там же, практически из маломощной лавчонки раскрутила прекрасный магазин церковной утвари и ушла оттуда, поняв, наконец, что Богу деньги не нужны. В общем, многое в жизни я попробовала на вкус, но полное удовлетворение пришло вместе с осознанием того, что поэзия всегда жила во мне и стучала в висок, вся остальная жизнедеятельность служила только накоплению материала, из которого создаются стихи. По мере своих метаний по жизни я была знакома со многими известными современниками, такими как Иван Семёнович Козловский, Анатолий Петрович Рядинский, внучками Горького – Марфой и Дарьей, лётчиком-испытателем Кокинаки, оперной певицей Любовью Казарновской и многими другими.

Говоря о стихах, некоторые принимают за поэзию рифмованные предложения. Разубеждать их в этом совершенно бесполезно. Но, когда у меня уже совсем сводит скулы от написанных «собратьями по перу» несуразностей, я выдаю на гора пародии. Иногда я читаю их на своих творческих вечерах, но чаще они используются моими знакомыми на театральных капустниках в качестве анекдотического чтения. Морализировать по поводу коверканья русского языка и его уничтожения я не стану по одной простой причине – для меня это слишком болезненная тема.

Вторая моя бабушка, Евгения Ивановна Тимофеева, отцова мама, несмотря на своё дворянское происхождение, была заслуженной учительницей словесности РСФСР. Предать её память я не могу, вот потому не молчу и борюсь доступными мне средствами с немтырями, кичащимися своей катастрофической словесной безграмотностью.

Иногда я слышу: «Почему ты пишешь пародии на плохие стихи, они сами по себе – пародии?!» Дело в том, что хорошие стихи пародировать совсем не хочется, особенно, если творец их почил в бозе и не может ответить тем же. А вот авторы плохих стихов, по большей части, находятся в «святом» неведении, что их рифмовки плохи или совсем никуда не годятся, – как раз напротив. В частности, пародируемые мною поэты гордятся своими виршами и рекламируют себя, как классиков мировой литературы. Что делать, наверное, и впрямь наступил век дилетантов и их «толерантности» к извращениям. Куриный помёт на грунтованных холстах в наше время тоже кто-то считает картинами, продавая и покупая это дерьмо за бешеные деньги... Человечество научилось нажимать на кнопки и потеряло часть своего мыслительного аппарата, поэтому мне иногда говорят, что стихи мои сложны для понимания, так как насыщены старинными, а потому, непонятными словами.

Голубчики мои, русский язык – это бриллиант среди жемчужин, забыв его или искажив до неузнаваемости, мы, славяне, превратимся в дарвиновских приматов, чего мне лично не хотелось бы. Вот умру, сделайте, что хотите, а пока позвольте мне творить то, чем единствен-

ным я богата, не скопив за свою жизнь ничего, чем могла бы похвастаться перед миром, алчущим денег и славы.

Тимофеева Наталья. Март 2013 года.

Волны времени

«...И не с кем словом перемолвиться...»

...И не с кем словом перемолвиться,
Здесь только вьюги да ветра
С вечерней зори хороводятся
В кудели снежной до утра.

А утром застит взор сияние
От необъятной белизны.
Хранит неведомое знание
Изгиб серебряной волны

Под спудом тяжести немереной.
Покровом клади снеговой
Зима засыпала уверенно
Невероятный берег свой.

Где есть границы этой вольницы,
Мне даже в мыслях не объять.
Я вновь от дома до околицы
Иду с собакою гулять.

Рыжухе маленькой не терпится
На длинных лапах смерить пух,
Она в снегу юлою вертится
И перевесть не хочет дух,

Вздымая лёгкое пуржение,
То взвизгнет, то подпрыгнет вверх...
И я до головокружения
Люблю пушистый этот мех,

Что чистой влагою холоднойю
На ласку отозвался рук
И белизною благородною
Укрыл в молчанье всё вокруг...

«На окнах искры драгоценные...»

На окнах искры драгоценные
Горят в морозных витражах,
А на дворе снега степенные
Летят, растя, как на дрожжах,
Сугробы, крыши и поленницы,
Вздымая стены вдоль дорог...
Зима-волшебница не ленится.
Пичуги малой голосок
С утра мне благовестит тоненько,
Стучит синица по стеклу.
Мелькнули на дороге дровенки, —
Бежит лошадка по селу.
И всколыхнулись потаённые
Вновь умиление и печаль,
И времена самовлюблённые
Нисколько сделалось не жаль.
Пусть где-то кружат оглашенные
Машины, люди, города, —
Места глухие и волшебные
Я не забуду никогда.
И на чужбине неизведанной
И славной дивной красотой
Не город вспомню, — заповеданный
Вот этот угол всесвятой,
Где словно святочные пряники
Сидят на ветках снегири,
Да спит под снегом домик маленький,
А в окна плещет свет зари...

«Звёздный смех рассыпан по поляне...»

Звёздный смех рассыпан по поляне,
В лапах елей путается свет,
Можжевельник в небо ветви тянет,
На тропинке – одинокий след.

А в сосульках луч играет рдяный,
Капли солнца тоненько звенят,
Ветерок шарахается пьяный,
На пути мороза всё подряд.

Только треск в округе потаённый,
Только дым кудрявится из труб,
Только ветер, солнцем опоённый,
Достаёт дыхание из губ.

Я иду по бровочке дорожной,
Звуки мира тонут в тишине,
И летят снежинки осторожно,
Ластясь с тихой нежностью ко мне.

«Театр теней, – движение и звук...»

Театр теней, – движение и звук,
Неясный фон и чёрное скольжение
По мановенью неизвестных рук
За пеленою снега, – наважденье,
Иль этой зимней ночи колдовство
Назначено земле во искупленье?
Как безутешно вьюжное вдовство,
Её тоски декабрьской исступленье,
Когда она, не зная, где предел
Разгула тьмы и ветреного буйства,
Кочует в поле белая, как мел,
И охлаждает кровь и гасит чувства,
Шепча свои заклатья с ветром в лад,
И только лес, как тень, скользит за нею...
А где-то ёлки празднично горят,
Но никому не светят и не греют
Просторов этой грешной стороны.
Театр теней – движение и звуки...
Как неподъёмна боль моей страны,
Как много ей досталось слёз и муки!
А Новый год – лишь символ в облацах,
В чумном бараке пьяная гулянка.
Цеховикам у власти – нервный смех,
А дуракам под властью – спозаранку
Похмельный абстинент вкусить сполна
И жить сначала, как и прежде было...
Вновь плещет вьюги резвая волна,
Вновь телевизор источает мыло,
А гусь в духовке пахнет чесноком...
Змея ползёт, голов своих не пряча...
Театр теней приветствует молчком
Всех зрителей наивных наудачу.

«По ледяной беспамятной равнине...»

По ледяной беспамятной равнине
Рассыпал ветер чёрное зерно
Ольховых шишек, на берёзах – иней,
В цветах сурьмяных банное окно.

В снегу следы глубокие цепочкой
Оставил мне неведомый пришлец,
И вышел ворон крестовидной строчкой
Ступени заметённые крылец.

Приветно блещет утреннее соло
Неяркого луча, пушистый сон
Припорошил накатанный просёлок
И взял деревню целую в полон...

В кормушке птичьей гомон, токовище,
Крылатый шум, возня, мельканье глаз...
И только ветер бесприютный рыщет,
Взметая колкий по-над лесом газ.

«Как чёрный лёд, мерцает ночь...»

Как чёрный лёд, мерцает ночь,
Попав в лампадное сиянье
Луны неполной. Превозмочь
Ей невозможно расстоянье,

Соединившись с пустотой
За гранью видимого света.
Она и грешной и святой
Стать успеваает до рассвета.

Дыханье мерное её
Несложно распознать глазами,
Услышать, как мороз куёт
Земному лону под парами

Кольчужный пояс, серебра
На труд свой ратный не жалея.
И раздувают мех ветра,
Над зимней кузней свирепея...

«Король касаний, ветер долгоногий...»

Король касаний, ветер долгоногий,
Опять ты землю раскачал подвздох!
Кривой сосулькой светоч мой двурогий —
Тихоня-месяц стаял и иссох.

Царапаясь, за полог зацепился —
За чёрный продырявленный навес,
И свет невзрачный холодно пролился
И вмиг за тучей байховой исчез.

Куда деваться от печали вещей
В распадке жизни, если ясен путь?
Вновь равнодушно звёздный ковшик плещет
Сыпучий иней, и зовёт уснуть...

«Мой зимний сон записан на снегу...»

Мой зимний сон записан на снегу
Следами птиц, мистическим сияньем...
Но соловеев ветер на бегу,
Под южным молодея обаяньем.

Что после сна? Налипнет льдистый шлейф
На ветви, почерневшие от горя?
Ворона на колодце дамой трэф
Усядется, раскаркавшись в миноре?

Опять дорога речкой потечёт,
Ввергаясь в непролазное распустье,
А после вдруг наступит Новый год
С невероятно пошлой телемутью?

Чему-то будет радоваться люд,
Пуская фейерверки и петарды,
И год пришедший «новым» назовут,
И будут счастью несказанно рады,

Что нет войны, что есть еда и хлеб,
Что обокрали вновь, но не до нитки
Дебил с бандитом, милостью судеб
Стране надав дуэтом под микитки?

Не слёзы ли – декабрьский этот дождь —
Земли, уставшей от вранья и драки?
Он сам похож на каверзную ложь,
Среди зимы в ночном пролившись мраке.

Сквозь паузы ветра звучит одинокая нота, —
Плывёт через сумерки голос вечерней зари,
Как будто бы ищет в холодной пустыне кого-то,
Способного вместе с туманом в пространстве парить.

И домною плавит величие грёз колокольня,
А колокол, словно дитя, торопливо речист,
И чёрной неведомой птицей над пажитью дольной
Летит пономарь, как и ветер, упрямый солист.

Он в ряске крылатой, и руки его не одеты,
Они – тоже птицы, в верёвочных бьются силках...
И в сумерках звук с колокольни, как проблески света,

Сквозь паузы ветра звенит и звенит в облаках...

Романс с тишиной

Моей душе потребна тишина,
Её постигли разочарованья.
И потому душа моя больна,
Что оказалась пленницей сознанья.

Когда сердечных мук не превозмочь
И от печали скрыться невозможно,
Душе на помощь прибегает ночь
И тишиной врачует осторожно.

От скорби сон проворный утолит
И ничего в награду не попросит...
А в свете лунном мир вокруг дрожит,
Как бриллиант, и ветер тучки носит...

Во тьме ночной есть первозданный страх,
Но и любовь в ней обитает тоже.
И тают звёзды снега на губах,
И жизни миг становится дороже.

И вот пришла желанная моя
Благая тишь, унявшая тревогу.
Она одна мне кровная родня
И проводница трепетная к Богу.

От скорби сон проворный утолит
И ничего в награду не попросит...
А в свете лунном мир вокруг дрожит,
Как бриллиант, и ветер тучки носит...

Возвращение в деревню

Дорога инеем сребрится —
Сонливый убелённый путь...
Лишь пар вдоль зимника клубится,
Да снега намело по грудь.

Желтеет солнце над распадком,
Скупясь, холодный тусклый сок
Плеща, играет с тучей в прятки,
Окрасив нехотя восток.

И, нежности коварной полон,
Струится воздух ледяной,
И лес, морозами закован,
Искрится праздной белизной.

Но вдруг, как высверк, на поляне
Краснее крови алый куст
В рассветной разгорелся рани
Под снежный неуёмный хруст.

Калины тоненькие прутья,
Свой драгоценный дар держа,
Наполнили пространство сутью.
Как в сердце замершее жар

Вливает чувство ненароком,
Так ягод огненный привет
Затеплил в царствии жестоком
И сонном ясный чистый свет...

«Мороз горстями сыплет бриллианты, —...»

Мороз горстями сыплет бриллианты, —
Стеклянный лес затеплился огнём.
На елях и сосёнках – аксельбанты,
Берёзы ветви выплели дождём.
Хрустальный дождь... свечение и звуки...
Какая нежность в струях ледяных!
Ивняк речной свои топорщит луки,
И стрелы ветра застревают в них.
Река стоит... От холода застыли
И почернели в лавах камыши,
Посыпанные блёстками ванили,
Осока тихо рыжая шуршит,
Как нота утра, скупно-бережливо...
Под невесомой сутью бытия
Лишь я молчу, рассветного прилива
Седая бесприютная родня.

Добровольная ссылка

Кольцо для люльки вбито в потолок, —
Здесь мужа моего качала бабка.
Ухват у печки, закопчён горшок,
И занавеси вышиты, и тряпка.

Крючок на двери выкован, мудрён,
Дверные ручки литы из латуни,
А подпол – настоящий древний схрон,
Где ядра свёклы с редькой преют втуне.

Здесь пол скрипит под музыку шагов,
А брёвна стен хранят хвоистый запах,
Здесь в зеркалах сокрыто столько снов,
Шуршащих ночью на мохнатых лапах!

Здесь мышь скребёт за печью и в углу,
А в горнице заиндевели окна,
Дорожки протянулись на полу,
Узор на них руками бабки соткан.

И что ни тронь, – седая старина,
Хранящая и длящая былое...
За поворотом – «новая» страна
Кричит, гремит, не ведая покоя.

В её тылу, вдали от пошлых тем
Я наслаждаюсь святостью столетий,
Где мой приют так мудро, стойко нем,
Неповторим от дома до поветей.

«Взыграл буран под ветренное соло...»

Взыграл буран под ветренное соло,
Набрякли веки тяжкие небес,
Сквозь них сочится бледным ореолом
Свет полуденный на озябший лес.
Морозный дух захватывает горло,
Ритмичный скрип, как музыка, звучит
С шагами в лад, и все приметы стёрло,
И в целом мире буря мирволит,
А ели лапы подставляют снегу,
Летя сквозь ветер стрелами с земли...
Я погружаю душу в эту негу
И жду, чтоб память выюги замели.
Пусть щёки жжёт нещадно, – только это
Биенье пульса с мыслями роднит,
И песня ветра в голове поэта
Стихом прекрасной Музы говорит.

«Мой остров – лишь точка на теле Земли...»

Мой остров – лишь точка на теле Земли,
Вновь зимние вьюги его замели,
Вновь призраком белым в ночи я бреду, —
Свернёшь ли, написано коль на роду!
Не грезится больше любви и тепла,
И жизнь, словно речка, под лёд утекла.
Того и гляди поскользнёшься в пути,
Порога родного в снегу не найти.
Ни речи, ни эха вокруг не слышать,
Лишь изредка выглянет месяц, как тать,
И столько навалится в сердце обид,
Что сердце вздохнёт и навек замолчит...

Полночная звезда

Луны восходит половинка
Над необъятной тишиной,
В неверном свете ткнут снежинки
Над миром полог ледяной.

В проранке туч полупрозрачных
Горит полночная звезда —
Хозяйка обиталищ мрачных.
Любви не зная никогда,

Она не ведает печали,
На Землю льёт холодный свет,
И взор её острее стали,
И в небесах прекрасней нет.

Она пророчества земные
Все перепутала давно
И светит в окна слюдяные,
Где неприютно и темно.

«Морозный вечер. Звёзды, словно иней...»

Морозный вечер. Звёзды, словно иней,
А снег под небом звёздами искрится.
Графичны тени, в перекрестьях линий
Сгустилась тьма... и ветру не ложится, —
Он в ареал свой ледяную стужу
Вовлѣк с дыханьем севера невольно,
И, продувая улицы, недужит
И плачет тонко так, что сердцу больно.

Таинственность, безлюдье, нарочитость
Небесного очерченного круга,
И хрупкая серебряная слитность
Меня, застывшей будто от испуга
Под чѣрным небом, и безмолвья снега...
Весь этот мир – неведомая тайна
За дверью ночи, где покой и нега
Не закрывают глаз ничьих случайно...

«Простое имя – Ветер. Но не прост...»

Простое имя – Ветер. Но не прост.
Отстукивая каверзные ритмы,
С разбега прынет, забежит на мост*,
Как пономарь, начнёт бубнить молитвы,
В трубу подует басом и замрёт,
Прислушиваясь будто. Дальше – больше —
Так крышу дома на себя рванёт,
Что, кажется, её вот-вот встопорщит
И понесёт отсюда, словно лист,
Когда его кружит он по просёлку,
Потом издаст победный резкий свист,
Завоет с подвыванием, – лишь волку
Такой пассаж удастся звуковой,
А музыкант небес – разбойный Ветер
Способен с интонацией любой
Исполнить акапельно всё на свете.
Стучит опять, открыть ему? Пускай
Внесёт в избу свой свежий снежный запах...
Открыла, ну же, Ветер, залетай!
Нет, скрылся прочь, ушёл на мягких лапах...

* мост – в русской избе переход между жилой избой и крытым двором, где находится скотина

«Немного солнца плещется рыбёшкой...»

Немного солнца плещется рыбёшкой,
Блестит в речной протоке под мостом.
Лёд сгрудился в осоке белой крошкой,
И снег на берегу лежит пластом.
На нём деревьев росчерки синеют,
Полднейной тенью обозначив лаз,
Где лис живёт, калинов куст желтеет,
И ветер немудрёный свой рассказ
Высвистывает робко, будто стужу
Не он принёс на эти берега.
Он сам замёрз и тихо, тонко тужит,
Что на реке лишь холод и шуга.
А где-то там, на севере безмолвном
Армада туч таится подовых,
И скоро-скоро течь в потоке донном,
Попав под спуд торосов ледяных,
Речушке малой, лесу встать под стяги,
Белей которых только свет денной,
Бродяге ветру волком выть в овраге,
А выюге быть неласковой со мной...

Скерцо

Лежу без сна. Уколом тонкий звук,
Как будто плач, и заболело сердце.
А за окном пурга, сто тысяч рук
Шального ветра вновь играют скерцо.

Мне так его трёхдольный такт знаком...
Как шутка свыше, падает игриво,
Настырно снег, приправленный дождём,
И залепляет окна хлопотливо.

Мне кажется, иль правда эта ночь
Для тех, кто завтра не хотел проснуться?
Летит душа, отпущенная прочь,
А телу вслед уже не улыбнуться...

Как много снега, или это сон
Уже вошёл ко мне, преград не зная,
И жмёт меня сугроб со всех сторон,
В гробу холодном сердце мне пластая?

Нет, рано, рано, закричал петух
И разогнал в округе сизый морок,
И ветер больше не тревожит слух,
А за окном улёгся снежный творог...

Зимний складень

Распеленал рассвет озябший лес,
Туман осел и слился с белым настом,
А эхо вслед за филином ушастым
Летит под хвойный ёлочный навес.
Нежна зима и ей настал черёд.
Там пустоты не мыслится осенней,
Где блещет снег в лесной угрюмой сени,
Где песня ветра за сердце берёт...
Вот вышла ночь и затворила дверь,
За горизонтом ей достанет места...
Зима, как невестная невеста, —
Пора холодных мыслей и потерь.

Иду след в след за собственной судьбой
Быть на виду, забившись в дальний угол.
Мне так близка душа вороньих пугал,
Довольных едким смехом над собой.
Заплат не счесть на их чужом тряпье,
Они давно метафорами стали,
Не разживясь ничем в вороньей стае.
Лишь фишки дней, как ревностный крупье,
Сочтя впригляд и, может, ошибаясь,
Ссыпаю в молью битые карманы,
Жду от зимы, грунтующей изьяны,
Собольей шубы... В голос, не стыдясь,

Пишу спроста о том, что видел свет,
Но без меня и вприщур не заметил.
Я за слепцов, как поводыр, в ответе,
Хотя на мой призыв ответов нет...
Распеленал рассвет озябший лес,
Туман осел и слился с белым настом,
А эхо вслед за филином ушастым
Летит под хвойный ёлочный навес.
Нежна зима и ей настал черёд.
Там пустоты не мыслится осенней,
Где блещет снег в лесной угрюмой сени,
А песня ветра за сердце берёт.

«Наст выпластал глазурью обливной...»

Наст выпластал глазурью обливной
Наносы снега, корочкою тонкой
Покрыл сугробы. Яркую блесной
Луны осколок виснет над картонкой
Зубчатой леса, плоской, как макет.
Образчик экспликации спектакля,
Что выделил из тени лунный свет:
Растрёпан дым над крышей, будто пакля,
И старой груши веерная плоть
Над пряслами чернеет убелённо,
И дальше – сине-звёздная изводь
Заснеженного поля... Утомлённо,
Сторожко наст ломается под шаг.
Там, ниже, снег пушится, словно вата.
Тропинка тянет ниточку в овраг,
Где ночи смысл недолговечный спрятан...
И так всегда, коль вырвешь хрупкий миг
Из мира замечтавшейся картины, —
Исторгнет сердце трепетное крик,
Постигнув вдруг земные величины...

«Неведомым законам мироздания...»

Неведомым законам мироздания
Я следую, рассудку вопреки.
Жду снега, словно первого свиданья.
Его объятья нежные легки.
Там, в городе грохочущем и диком,
Его никто не любит так, как я.
Опять цветёт на окнах повилика,
Брильянтовыми искрами маня.
Опять волшебной праздничной игрою
Под лунным светом радует, блескуч,
Пушистый белый полог. Землю кроет,
Спешит, летя стремительно из туч,
Кружится в вальсе белого молчанья
Хранитель и радетель вещей снов.
Сиятельный знакомец мироздания
Укрыть закут мой бережно готов,
Чтоб я наутро утонула в пене
С избушкой вместе, как под колпаком,
И заспалась, забылась бы от лени,
Укутав плечи бабкиным платком.

«Ходит ветер по крыше...»

Ходит ветер по крыше,
Резок он и угрюм.
То в окно мне задышит,
Полон каверзных дум,
То метнётся, дичая,
Снег поднимет, бранясь,
И его распашная
Свитка – чистая бязь —
То заплещет крылами,
То накроет прогон,
Словно белое пламя,
Словно праведный сон.
Ветер, ветер, безумец,
Мне твой норов знаком.
Из простуженных улиц
Вырываясь рывком
И опять возвращаясь,
Ты не знаешь преград,
Гонишь снежную замесь
То вперёд, то назад,
Словно в игры играя,
Или мстя наперёд
Нелюбезному краю,
Где позёмка живёт.

«Учусь у снега быть сильнее тепла, —...»

Учусь у снега быть сильнее тепла, —
При плюсовых эмоциях не таять.
Меж ним и мной двойная гладь стекла,
Но он в себе мою хоронит память...
Снежинок рой летит, как нежный сон,
И всё вокруг становится безгласным.
И нет ни низа с верхом, ни сторон,
Всё – только бесконечность. И напрасным
Окажется увещеванье дня,
Что он лишь в чередѣ один из сотен.
Мне снег и проповедник, и родня,
И друг любезный, что душе угоден.
Учусь его встречать без суеты,
Не прятаться от холода в страданье.
У снега есть знакомые черты
Моей зимы и есть её мерцанье.
К нему я без боязни выхожу,
В его объятых утонуть – блаженство.
О чистоте я по нему сужу,
Я по нему равняю совершенство...
Но почему он не выносит слѣз,
Их выстудить ему – такая малость?
Ты таешь, снег, ведь это не всерьѣз?
В живой ладони лишь вода осталась...

Метаморфозы

«Серебряные сны, прелестные мечты, —...»

Серебряные сны, прелестные мечты, —
У святочных недель знаменья ненаучны.
Метелица летит, как ангел красоты,
Выравнивая даль задумчиво-беззвучно.

По мне бела-зима соткала саван свой,
Он крыльями укрыл мои былые раны,
И сердца стук затих под хладной пеленой,
И взор объял легко небесные поляны.

И в святочных краях, где грусти места нет,
Я буду гостевать до самого Крещенья,
И пусть приснится мне небесный чистый свет,
Луч Истины святой, души преодоление.

Пусть будет наяву не больно, не грешно
И дальше жить со всем, что не даёт покоя...
Пусть носится метель в шубейке распашной,
Чаруя белизной, над миром, надо мною...

«Когда сойдутся числа и знаменья...»

Когда сойдутся числа и знаменья,
В тот час огнём задышит небосвод,
Из недр земных послышится бурление,
И лава с гор в долины потечёт.

И всё, что было создано веками,
И всё, что напласталось в наши дни,
Исчезнет под застывшими слоями,
Как ни бывало. Хаосу сродни

Возникнет мир из пепла и осколков,
Он будет нов, на прежний не похож.
Возможно, будет в нём не много толка,
Но царствовать в нём перестанет ложь.

Трава взрастёт сквозь поры грязевые,
А горизонт за лесом пропадёт,
Дожди пройдут над миром проливные,
И где-то снова ляжет прочный лёд.

А человек, – его прискорбна участь, —
Уже теперь дичает этот вид.
Жил на Земле, от колыбели мучась,
И вёл себя, как злостный паразит.

Но есть на свете мера и расплата,
Как есть всему начало и конец.
Ведь было нам предсказано когда-то
В огне найти бесславия венец...

Какой-нибудь моллюск головоногий
Через земные миллионы лет
Освоит эти доли и отроги,
Не зная, сколько здесь гнездились бед,

Как жизнь бурлила, мчась без остановки,
И кровь текла людская, что вода...
Он выползёт из вод на сушу ловко
И будет пред собратьями – звезда...

Опять спиралью выгнется пространство,
Другая жизнь заступит в свой черёд,
И солнца свет с завидным постоянством
На мир земной, сияя, потечёт.

Медвежий угол

Сине-сизыми лапами ели
Держат снежный пушистый навес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.